

ХРАНИТЕЛИ РАВНОВЕСИЯ

ИСКРА.
ЛЕДЯНОЕ ПЛАМЯ

Ирина Савицкая

Ирина Савицкая

Искра. Ледяное Пламя

<https://litres.ru/74469299>

Аннотация

«Ледяное пламя» — вторая книга трилогии о женщине, которая пришла в чужой мир, чтобы обрести себя.

В Каменном Логу весна. Раны заживают, деревня растет, и Алиса верит, что самое страшное позади. Но в столице канцлер Северного Приказа делает новый ход. Он знает ее настоящее имя. Он знает, кто она. И он знает, что тьма никогда не умирает.

В ее душе борются свет и тьма. В теле Влада просыпается древнее зло. Лютобор готов на все, чтобы завоевать ее сердце. А Лева хранит тайну, которая может перевернуть все. Но, Алиса не унывает!

Война идет. И на этот раз ставка выше, чем жизнь.

Любовь и тьма. Свет и меч. Выбор, который меняет все.

Содержание

О чем книга	4
ПРОЛОГ: ВЛАД	5
ЧАСТЬ 1: ВЕСНА И СТРАСТЬ. ГЛАВА 1:	27
ВЕСНА Вкус жизни	
ГЛАВА 1.2: ВЕСНА Зимние уроки	38
ГЛАВА 2: ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ	52
ГЛАВА 3: НОЧЬ И УТРО ПОСЛЕ	60
ГЛАВА 4: ЛЮТОБОР	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

О чем книга

«Ледяное пламя» — вторая книга трилогии о женщине, которая пришла в чужой мир, чтобы обрести себя.

В Каменном Логу весна. Раны заживают, деревня растет, и Алиса верит, что самое страшное позади. Но в столице канцлер Северного Приказа делает новый ход. Он знает ее настоящее имя. Он знает, кто она. И он знает, что тьма никогда не умирает.

В ее душе борются свет и тьма. В теле Влада просыпается древнее зло. Лютобор готов на все, чтобы завоевать ее сердце. А Лева хранит тайну, которая может перевернуть все.

Война идет. И на этот раз ставка выше, чем жизнь.

Любовь и тьма. Свет и меч. Выбор, который меняет все.

ПРОЛОГ: ВЛАД

Столица, храм Двоединого, ночь.

Он стоял у окна и смотрел на город.

Внизу горели фонари, редкие прохожие кутались в плащи, где-то лаяли собаки, пахло дымом и сыростью. Обычная столичная ночь. Ничего особенного.

Владислав фон Торн, Верховный Инквизитор Северных Провинций, не спал третьи сутки.

Он не мог спать. Потому что стоило закрыть глаза — он видел ее.

Не ту, которую сжег несколько лет назад. Другую. С серыми глазами, в которых горел вызов. С руками, которые держали посох так же уверенно, как нож для разделки мяса. С улыбкой, от которой у него внутри все переворачивалось.

— Ты идиот, — сказал он себе вслух.

Эхо заметалось под высокими сводами.

Он отошел от окна, сел на скамью, достал из-под рясы амулет. Маленький, потертый, с локоном русых волос внутри. Мила.

Пять лет. Пять лет, как он сжег собственную сестру.

Он вспомнил тот день.

Тот, кто смотрит из темноты

Ночь над столицей висела низкая, тяжелая, набухшая тучами, которые никак не могли пролиться дождем. Где-то

внизу, в лабиринте узких улиц, еще горели редкие огни — запоздалые путники, ночные сторожа, окна трактиров, где догуливали последние посетители. Но здесь, в высокой башне столичного храма Двуетного, было тихо.

Влад стоял у окна и смотрел на город.

В стекле отражалось его лицо — резкое, холодное, с глубокими тенями под глазами и плотно сжатыми губами человека, который давно разучился улыбаться. Черная ряса инквизитора делала его почти невидимым в темноте, только бледные руки, сложенные на груди, выдавали присутствие.

Тридцать пять лет. Половина жизни в Ордене. Четверть — в ранге инквизитора. Тысячи допросов. Сотни казней. Десятки спасенных душ — тех, кто действительно был невиновен и кого он успел вытащить раньше, чем огонь забрал их.

И одна, которую он не спас.

Он смотрел на город, но видел не огни и крыши. Видел другое.

Двадцать три года назад. Маленький городок на севере.

Ему было двенадцать, когда умерла мать. Воспоминания о ней — как обрывки теплого тумана: ускользающие, но неизгладимые. Он помнил ее руки — теплые, мягкие, пахнущие свежее испеченным хлебом и корицей. Помнил тихий голос, едва слышимый в полумраке детской комнаты, когда она пела колыбельные — слова тонули в треске дров в печи, а мелодия оставалась под потолком, как дымок.

Но ярче всего врезались в память другие картины.

Та зима. Ее кашель — глухой, надрывный, будто рвущий грудь изнутри. Как она худела день за днем, как таяла, словно свеча на сквозняке. Как однажды утром ее постель оказалась пуста, а в доме повисла тишина — тяжелая, липкая, удушающая.

А потом начался ад.

Отец, когда-то крепкий, статный мужчина, гордость их древнего, обедневшего рода, превратился в опухшее, вечно пьяное чудовище. Сначала он пил понемногу, украдкой, пряча флягу за поясом. Потом — запойно, яростно, пропивая последнее: серебряные ложки, фамильные часы, даже ее платье, то самое, в котором она выходила замуж.

Влад научился прятаться.

Забивался в угол за печью, сжимался в комок, втягивал голову в плечи, стараясь стать невидимым. Терпел удары — резкие, хлещущие, как кнут. Терпел брань — едкую, ядовитую, хуже любой боли.

«Почему еда не сварена?» «Почему дрова не колоты?» «Почему ты вообще существуешь?»

Он терпел. Потому что была та, ради кого терпеть приходилось вдвойне.

Мила.

Ей было пять. Светловолосая, голубоглазая, с ямочками на щеках — точь-в-точь как у матери. Она была единственным светом в этой проклятой жизни, единственным, что еще дышало теплом в ледяном доме, где даже воздух казался

пропитанным горечью.

Когда отец бил Влада, она пряталась под столом и плакала — тихо, сдавленно, чтобы не привлечь внимания. А когда отец бил ее — редко, но случалось, — Влад бросался вперед, закрывал собой, принимал удары на спину, на плечи, куда придется.

— Я защищу тебя, — шептал он ей, глядя дрожащими пальцами по ее волосам. — Никто тебя не тронет. Я вырасту и стану сильным. И тогда... мы уйдем отсюда. Далеко. Туда, где нет пьяниц и где всегда тепло.

Она засыпала, прижимаясь к нему, а он смотрел в темноту, и клятвы рвались из груди — горячие, отчаянные.

Клялся всеми богами, которых не знал. Клялся силами, в которые не верил. Клялся, что вырвет их обоих из этой тьмы.

Но он не сдержал клятву. Орден Пламени забрал его в двенадцать лет.

Они пришли вечером — в плащах с вышитыми языками пламени, с лицами строгими, как каменные изваяния. Инквизиторы. Проверка. Поиск детей с даром. Кто-то донес: «У фон Торна сын видит то, чего не видят другие. Чувствует ложь. Знает, когда ему лгут».

Это была правда.

Влад всегда чувствовал ложь — как холодок по спине, как дрожь под ложечкой, как вкус железа во рту. Мать говорила, что это дар от бабки, которую когда-то сожгли за колдовство. Отец за такие слова бил — кулаками по губам, чтобы

замолчала.

Инквизиторы посмотрели на него, задали несколько вопросов — коротких, колючих, как иглы. Переглянулись. Кивнули.

— Пойдешь с нами.

Мила повисла на нем, кричала, плакала, цеплялась за рукав так отчаянно, будто от этого зависела ее жизнь. Он отрывал ее маленькие пальчики, по одному, и сердце рвалось пополам.

— Я вернусь, — сказал он. — Я вернусь за тобой.

— Обещаешь? — всхлипнула она, глаза красные, щеки мокрые от слез.

— Обещаю.

Ее лицо — заплаканное, испуганное, но все еще светящееся той самой материнской теплотой — было последним, что он видел, уходя из дома.

Оно снилось ему потом годы. Снилось, когда холодные стены монастыря давили на плечи. Снилось, когда наставники вбивали в него дисциплину, как гвозди в доску. Снилось, когда он учился не чувствовать боль — ни физическую, ни душевную.

Но клятва... клятва осталась. Даже если он ее нарушил.

Школа Ордена.

Четыре долгих года — четыре бесконечных круга чистилица.

Здесь не знали уроков, лишь испытания. Их не учили —

их ломали, чтобы вылепить заново то, чем они должны стать. Школа была не храмом, а кузней, где пилили и шлифовали характеры до кристаллической остроты. Тела закалялись болью, дух терзал унижения. Их укладывали спать на шершавые доски, словно жизнь сама превратилась в грубое дерево. Баланда, которой кормили, источала запах гнилых овощей и прогорклого масла, против которого отвернулись бы даже голодные дворняги. Проступок любого размера карался одинаково жестко: плетью по спине, недель заточения в темном карцере, куда солнце заглядывало лишь в редкие мгновения своей всепрощающей слабости. Слабость же наказывалась мгновенно — новобранцы становились мишенями для жестоких издевательств старослужащих.

Но Влад сумел устоять. Он постиг главное правило школы Ордена: жалость здесь умирает вместе с первой слезой, верность слову тут ничего не значит, ибо выжившие остаются лишь те, кто способен умереть внутри себя каждый раз, когда били, подняться тогда, когда приказывали встать.

Влад держался, как выжженная трава в бурю.

Он быстро понял: слезы здесь не помогают. Жалость здесь не живет. Здесь выживают те, кто умеет притворяться мертвым, когда бьют, и вставать, когда кричат: «встал». Учителя ордена открыли перед ним новый мир — мир видимого лжи. Здесь его учили видеть.

Видеть не толщу лжи, а ее цвет. Каждый человек несет свое собственное свечение, будто лампочку души, скрытую

глубоко внутри. Влад увидел эту невидимую палитру оттенков: серые обманщики, излучающие угасший свет сомнений, и яркие алые предатели, чье внутреннее пламя полыхало огнем гнусных деяний. Люди стали книгами, страницы которых открывались перед его глазами, раскрывая самые потаенные секреты, ужасы и невысказанные желания. Он учился различать оттенки, читать людей, как книги, видеть их страхи, их тайны, их грязные мысли. Его учили чувствовать. Чувствовать страх — свой и чужой. Управлять им. Заставлять людей бояться одним взглядом, одним движением брови.

Они воспитывали в нем способность чувствовать чужую тревогу.

Страх — это кровь в жилах власти. Влад учился управлять им искусством взгляда, жестом руки, выражением лица. Инквизитор мог заставить дрожать не оружием, а всего лишь шепотом, наполненным властью над душой жертвы. И самое ужасное искусство Орден передал Владу. Его учили убивать. Не руками — словом. Слово инквизитора страшнее меча. Одно слово может отправить человека на костер. Одно слово может спасти.

Своего первого настоящего экзамена Влад ждал с напряжением и нетерпением. В шестнадцать лет он провел первый допрос. Перед ним стояла женщина около сорока лет, обвиняемая в ведьмовстве. Невинная душа сияла светом чистого хрусталя, ясностью утреннего неба, свободным от кровавых пятен вины. Начальники хотели осудить кого-то, кем угодно,

но никак не ей.

Влад начал медленно, методично расшатывать женщину, проверяя границы ее стойкости. Проходили часы. Трижды он пытливо изучал ее реакции, слушал ее молчание, наблюдая, как вспыхивали искры страха в глазах, пытаясь проникнуть внутрь нее, увидеть тот самый миг слабости, момента, когда она сдастся. Четыре часа спустя она рухнула. Произнесла признание в преступлениях, которых не совершала, открыла дверь в ад своего сознания, позволив вине войти туда, где царила добродетель. Через три дня ее казнили.

Влад молча наблюдал, стоя среди первых рядов зрителей казни. Женщина сгорела заживо, сжигая свою правду вместе с телом. Впервые в жизни Влад почувствовал холодный, болезненный комок понимания: его дар не был ни наградой, ни подарком судьбы. Это оружие страшной силы, способное уничтожить и справедливость, и несправедливость одновременно.

Ночью Влад позволил себе выпустить поток боли наружу. Скрываясь под покровом подушки, тихо плача, он выплеснул эмоции, давно накопившиеся в душе, и ощутил облегчение. Только утром он вновь принял маску каменного спокойствия, вышел навстречу новому дню, готовясь снова надеть доспехи ненависти, уверенности и безжалостности.

Никогда больше он не даст себе распасться. Теперь он стал частью машины, чья цель — судить, карать и уничтожать, даже если цена этому была потеря собственной чело-

вечности.

Он стремительно поднимался по ступеням иерархии ордена.

Будучи еще совсем молодым человеком, Влад проявлял поразительную способность получать признания, где другие могли добиться лишь бесполезных страданий жертв. Холодный разум, острый взгляд и невероятная интуиция делали его идеальным инструментом правосудия. Те, кому приходилось сталкиваться с ним лицом к лицу, чувствовали давление абсолютной власти, исходящей от его облика и манеры вести дела. Уважение и страх шли рука об руку, пока Влад уверенно двигался вперед.

К двадцати двум годам он официально занял должность инквизитора, обладая всеми полномочиями, необходимыми для исполнения закона и наказания нарушителей.

Однако всю дорогу восхождения на вершину власти Влад оставался одержимым одной целью: найти Милу. Эти поиски длились годами. Отец Влада погиб от холода и алкоголя вскоре после отъезда сына, соседи переехали далеко, дом сгнил и сгорел дотла. Все нити прошлого были оборваны, оставив лишь неясные воспоминания о девочке. Восемь долгих лет поисков оказались бесплодными. Он искал восемь лет.

А потом ее привезли в его подвал.

Утро было обычным.

Серое, холодное, с противной моросью, которая начиналась еще ночью и никак не хотела заканчиваться. Влад стоял у окна своей кельи, смотрел на пустой двор и перебирал в голове предстоящие дела.

Двадцать семь лет. Инквизитор уже пять. Он научился не чувствовать — это было главным навыком в его работе. Чувствуешь — значит, проиграл. Чувствуешь — значит, они победили. Так говорил наставник. Так говорила жизнь. Так говорили десятки казней, на которых он стоял в первом ряду и смотрел в глаза умирающим.

Дверь открылась без стука — так входили только с очень важными новостями.

— Влад, — брат-инквизитор, пожилой, с усталыми глазами, остановился на пороге. — Там это... дело сложное. Из приграничья привезли. Спустись в подвал.

— Кто?

— Девка. Молодая. Ведьма. Говорят, сильная. Рутгеров человек лично привез. Требуется быстрого суда.

Влад кивнул. Рутгеров человек — значит, важная птица. С такими лучше не ссориться. И дело, видно, серьезное, раз сам барон кого-то прислал.

Он спустился в подвал.

Там пахло сыростью, плесенью и тем особенным запахом, который навсегда въедается в стены мест, где пытаются людей. Копоть факелов, металл, пот и кровь. Он привык. Давно.

— Где она? — спросил у стражника.

— В третьей камере, господин инквизитор.

Влад пошел по коридору, на ходу натягивая перчатки. Мысли текли ровно, как всегда. Сначала посмотреть, потом задать вопросы, потом — если понадобится — приступить. Обычный порядок. Обычная работа.

Он толкнул дверь.

И мир остановился.

Она стояла у стены, прижимаясь спиной к сырому камню. Грязное рубище, когда-то бывшее светлым платьем, висело лохмотьями. Лицо в синяках — один глаз заплыл так, что не открывался, губа рассечена, на скуле ссадина. Волосы спутались, висели грязными прядями.

Но глаза...

Глаза смотрели спокойно.

Спокойно, Влад. Твою мать, спокойно.

Он узнал ее сразу. Хотя не видел восемь лет.

Мила.

Младшая сестра. Та, которой было пять, когда он ушел из дома. Та, которая бежала за ним по дороге и кричала: «Влад! Влад, не уходи!» Та, чьи маленькие ручки он оторвал от своего плаща, потому что надо было уходить, потому что в доме старшего брата Кречета для него места не было. И для нее, как оказалось, тоже.

— Здравствуй, Влад, — сказала она тихо.

Голос у нее был хриплым — от крика, от молчания, от

всего сразу. Но в нем не было страха. Не было мольбы. Только усталость и странное, пугающее спокойствие.

Он шагнул вперед. Сзади, в коридоре, стояли люди. Стражники. Человек Рутгера. Братья-инквизиторы. Все смотрели.

Удар вышел сам собой.

Тяжелая ладонь в перчатке врезалась ей в лицо, голова мотнулась, она упала на грязный пол, ударившись плечом о каменный выступ. Кровь брызнула из разбитой губы.

— Молчать, — сказал Влад. Голос его звучал ровно, холодно, как и положено инквизитору. — Здесь говорят, когда спрашивают.

Она поднялась. Медленно, держась за стену. Вытерла кровь рукой. Посмотрела на него.

И в этом взгляде не было обиды. Не было злости. Было понимание.

— Я понимаю, — сказала она тихо, так тихо, что только он мог слышать. — Ты должен.

Он развернулся и вышел. В коридоре его вырвало.

Он стоял на коленях, трясясь всем телом, и его рвало желчью — есть было нечего. Потом откинулся к стене, вытер рот рукавом и долго сидел так, глядя в одну точку.

Мила. Сестра. Жива. Здесь. В его подвале.

Он должен ее спасти.

Казалось, в стенах мрачного замка наступило затишье,

как перед бурей.

Это были последние дни, оставшиеся Владу и его сестре, прежде чем вся история завершится дымом и пеплом.

Три долгих дня продолжался этот мучительный спектакль, сотканный из страха, хитрости и отчаянья.

Первый день

Стражники вошли, крепко схватив Милу за плечи, вытолкнули ее в камеру для допросов. Посередине комнаты стояла массивная дубовая скамья, покрытая пятнами крови прежних жертв. Яркий свет факелов заставлял отбрасывать тени, превращая помещение в настоящий театр теней, где главным режиссером выступал Влад.

Роль, которую пришлось играть брату, была чудовищной. Обвинительная речь звучала бесстрастно, ровно настолько, чтобы внешне соответствовать положению инквизитора, оставаясь внутренне совершенно другим человеком. Сердце разрывалось, каждая клеточка тела жаждала крикнуть: *«Просто скажи, что невиновна! Скажи, и мы уйдем отсюда!»*, но слова застревали в горле, подавляемые чувством долга и осторожности.

Приговор зависел от одного фактора — действий наблюдателя, посланца барона Рутгера, маленького тщедушного человечка с маслянистыми волосами и крошечными черными глазками, похожими на два блестящих уголька. Этот человек смотрел пристально, сверлил взглядом и делал заметки, создавая ощущение постоянной угрозы. Если Влад пока-

жет слабость, начнется расследование, последствия которого будут необратимы.

Первая ночь

Незаметно пробравшись в подземелье, Влад остановился возле камеры, в которой находилась Мила. Девушка лежала скорчившись в уголке, ноги согнуты, голова прикрыта спутанными волосами. Серый тюремный кафель отражал слабые отблески света, делая лицо бледным и испуганным.

Сердце щемило от сострадания, когда она взглянула на брата и спокойно произнесла:

— Что будешь делать дальше?

Он осторожно сел рядом, глядя в ее глаза, такие похожие на собственные.

— Придумаем способ выбраться отсюда...

— Нет, — резко прервала она, качая головой. — Мы оба знаем, что это невозможно. Толстый помощник барона повсюду расставил ловушки. Как только появится намек на побег, начнутся проверки, аресты, расследования. Нас погубят всех разом.

— Я инквизитор.

— Ты — часть системы, Влад. А система работает на них.

Он хотел возразить, но не мог. Потому что знал — она права.

— Три дня, — сказал он. — Дай мне три дня. Терпи. Отвечай то, что я тебе скажу. Я постараюсь сделать так, чтобы было не больно.

Она усмехнулась. Усмешка вышла кривой, горькой.

— Не больно? Влад, меня уже сломали. До того, как сюда привезли. Те трое в лесу... — она замолчала, отвернувшись.

У него сжались кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Кто?

— Не знаю. Люди Рутгера. Искали что-то. Про какую-то силу спрашивали. Про хранителей. Я не знала, не понимала, о чем они. Они не поверили.

Влад молчал. Внутри все кипело.

— Я убью их, — сказал он тихо.

— Сначала спаси меня, — ответила она. — А потом убивай кого хочешь.

От бессилия Влад опустил голову, чувствуя тяжесть поражения.

Второй день

Каждые шаги приближали роковую развязку. Новый свидетель — крестьянин с грубыми руками и дикими глазами — утверждал, что собственными ушами слышал голос Милы, произносящей заклинание. Влад понимал, что подобные свидетельства делаются ради денег и поддержки барона, но изменить положение вещей не мог.

Вечером того же дня Влад встретился с новым союзником — старым знакомым, работавшим охранником тюрьмы. Мужчина выглядел обеспокоенно, нервничал, явно сомневаясь в правильности решения поддержать дело инквизитора. Из разговора стало ясно, что поддержка останется пустой

надеждой: толпа врагов выросла сильнее, действуя организованно и агрессивно.

Третий день

Наступил переломный момент. Последний шанс обратиться к суду был исчерпан. Наблюдатель Рутгера буквально следовал за братом неотступно, подобно назойливой мухе, проникающей сквозь любые щели.

К вечеру Владислав оказался перед неразрешимой задачей: подписывать приговор или рисковать собственным положением, жизнью. Внутренняя борьба достигла пика, сомнения разрывали душу пополам.

Наконец, решившись, он взялся за перо, погруженное в чернила. Медленно, едва заметно дрожащими пальцами, вывел первые строки документа, осуждавшего собственную сестру на смерть.

Горечь сожалений заполнила сердце, наполняющее каждую вену ледяной болью утраты. Решение принято окончательно и бесповоротно.

Заключительные слова были написаны кровью его сердца: «Пусть завтра на рассвете начнется публичное сожжение ведьмы». Перо в его руке дрожало, когда он выводил буквы.

В воздухе висел тяжелый вздох страдания, навсегда отпечатавшийся в памяти, как клеймо позора. Казнь станет финальным аккордом трагедии, принесенной семьей человеку, потерявшему право называться братом. Кровь Милы будет на его руках. Навсегда.

Перед казнью он спустился в подвал в последний раз.

Она сидела на соломе, прислонившись к стене. Увидела его — и улыбнулась.

— Не получилось? — спросила тихо.

— Не получилось, — голос его сел. — Прости.

— Ты не виноват, Влад. Ты пытался.

— Я инквизитор. Я должен был...

— Ты должен был жить, — перебила она. — Ты должен был остаться, чтобы потом найти их. Всех. Того, кто это сделал. Тех, кто подставил. Ты сделаешь это?

— Клянусь, — выдохнул он.

— Тогда иди. И смотри, как буду гореть. Чтобы запомнить. Чтобы не забыть. Чтобы ненависть не остыла.

Он смотрел на нее. На ее разбитое лицо, на синяки, на заплывший глаз. На ту, кого он не смог защитить.

— Мила...

— Иди, Влад. Я уже там, где мне не страшно.

Огонь взвился высоко, поднимаясь к небу, становясь единственным ярким пятном на сумрачном горизонте и воздух, казалось, зашипел от жара.

Инквизитор обязан стоять впереди толпы, наблюдать своими глазами, как исполнение приговора достигает апофеоза. Обязан встречаться взглядом с осужденной, удерживая чувство внутреннего трепета. Ни один мускул не должен дрог-

нута на лице, когда пламя поднимается все выше.

Именно так стоял Влад, неподвижно, неподвижно смотря в глаза той, кого любил больше жизни.

Чернота дыма заволокла пространство, воздух наполнился запахом паленой плоти, жар обжигал кожу, смешиваясь с каплями холодного пота, стекающими по лбу.

Она смотрела на него.

Последним, последним своим дыханием. Сквозь облака огня, пыли и смрада она протягивала руку к брату, сохраняя странную, жуткую улыбку, полную прощения и печальной любви.

Влад чувствовал, как мышцы сжимаются, грудь сдавливает волнение, дыхание перехватывается от невозможности прекратить происходящее.

А потом огонь коснулся лица девушки, стерев красоту нежных черт, превратив ее в живую мумию, покрытую багровыми волдырями и пузырями. Губы раскрылись в последнем крике, полный невыносимой боли и непонимания.

Влад слышал этот крик — каждую ноту, каждую дрожь в голосе, каждый вздох, прерывающийся на грани между болью и яростью. Этот крик въелся в него навсегда, как штамп, который не стереть. Ему снится он до конца жизни: ночь за ночью, как холодный нож в стороне сна, как искры, что не гаснут.

Каждая нота, резонируя в груди, прошла через его тело раскаленным железом, просверлив уши, проникнув в мозг,

закрепляясь навсегда в сознании. Этот крик станет визитной карточкой кошмара, преследуя его долгие годы.

Спустя секунды тишины прозвучал последний, глухой вскрик, завершающий муку.

Затем тело покорежилось, съежилось, покрылось слоем угля, рассыпавшись мелким порошком на ветру.

Люди постепенно расходились, растворяясь в темноте улиц, торопясь забыть увиденное, спрятаться от реальности, растворившейся в облаках едкого дыма.

Только Влад остался стоять посреди площади, неподвижно уставившись на небольшой холмик черного пепла, ставший символом потерянной надежды. Он стоял, смотрел на пепел и на то, как ветер разносит тлеющие искры по площади.

Рядом послышался негромкий голос:

— Отличная работа, господин инквизитор. Барону понравится ваше усердие.

Шепот скользнул вдоль спины, вызывая тошнотворное чувство омерзения. Желание обернуться и вонзить кинжал в горло наглеца охватывало сознанием, но лицо оставалось невозмутимо спокойным.

Он чуть наклонил голову в знак согласия.

Только напряженность рук выдавала внутренний шторм, скрываемый под маской профессионализма. Белый мрамор костяшек говорил громче любых слов, напряжение мышц отзывалось каждой жилкой, напрягшейся от ярости.

Тогда, в эту секунду, рождалась новая эмоция — глубокое, холодное, расчетливое чувство ненависти. Оно забродило, зарождалось глубоко внутри, расширялось, растекаясь горячей лавой по сосудам, пропитывая сознание сладковатым вкусом мести.

Сегодня он потерял сестру. Сегодня он приобрел врага, которому обязательно придется заплатить по счету.

Ночью он упал на колени в своей келье.

Не перед алтарем — перед стеной. Просто рухнул, прижался лбом к холодному камню и завыл. Как зверь. Как раненый волк. Как человек, у которого только что оторвали половину души.

Он зажимал рот рукой, чтобы никто не слышал. Инквизитор не имеет права быть слабым.

Он выл в темноту, и темнота слушала.

А потом встал, умылся ледяной водой и лег спать.

На следующий день он подал рапорт о переводе в столицу. Там, где был Рутгер. Там, где можно было начать охоту.

С тех пор он не плакал ни разу. Никогда.

Прошло пять лет. Он стал старше, жестче, опаснее. Его боялись. Его уважали. Он ждал своего часа.

Никто не знал, что каждую ночь ему снится один и тот же сон — маленькая девочка бежит за ним по дороге и кричит: «Влад! Влад, не уходи!» Никто не знал, что он до сих пор

помнит, как пахли ее волосы. Ромашкой.

А потом он встретил Искру.

И впервые за много лет почувствовал, что пустота внутри может заполниться чем-то другим.

Влад моргнул, прогоняя видения. Амулет жег пальцы. Он спрятал его обратно, встал, снова подошел к окну.

Ночной город смотрел на него тысячами окон. Где-то там, в этих темных лабиринтах, спали люди. Спали и видели сны. А он не спал. Он никогда не спал спокойно.

В ящике его стола, под бумагами и отчетами, лежал выцветший детский рисунок. Солнце, дом, две фигурки за руку. Большая и маленькая. Подпись внизу, выведенная корявыми детскими буквами: «Влад и Мила. Навсегда».

Он не мог на него смотреть. Но и выбросить не мог. Где-то в груди, в его сердце все еще жила та маленькая девочка с ямочками на щеках. Та, которую он не спас.

А потом в его жизни появилась Искра.

Женщина с синим огнем в груди и посохом хранителя. Та, которая смотрела на него не как на инквизитора, не как на убийцу, не как на чудовище. А как на человека.

И впервые за восемь лет он почувствовал, что пустота внутри может заполниться чем-то другим.

Она там, в Каменном Логе. Спит, наверное. Или не спит. С ней вечно все сложно.

Он думал о ее глазах. О том, как она смотрела на него на

суде. Без страха, без подобострастия. Как на равного.

Он думал о ее руках, сжимающих посох. О том, как она исцеляла раненых после боя. О том, как ее кот смотрел на него — с предупреждением.

— Кто ты? — спросил он у темноты. — Откуда ты взялась?

Темнота молчала.

Но он знал ответ. Она — та, кто сломала его лед. Та, кто заставила его сердце биться снова. Та, ради которой он готов сжечь этот город дотла.

— Я вернусь, — сказал он. — Скоро.

Он надел плащ, взял меч и вышел из храма. Впереди была ночь, дорога и она.

ЧАСТЬ 1: ВЕСНА И СТРАСТЬ.

ГЛАВА 1: ВЕСНА Вкус жизни

После того как Алиса исцелила детей переселенцев, люди смотрели на нее с благоговением, граничащим со страхом. Но страх быстро проходил, когда она бралась за стряпню. Тогда в ее глазах загорался совсем другой свет — не синий огонь хранителя, а теплый, почти домашний, от которого почему-то хотелось улыбаться.

В тот день она сидела на крыльце людской, перебирая корзину с лесными дарами. Рядом суежилась Флора, помогая разложить добычу: клюква, брусника, грибы, несколько хвостиков репы, оставшейся с прошлого года, и горсть сушеных трав, которые принесла Велена.

— Барыня, — Флора понизила голос, хотя вокруг никого не было. — А вы правда... ну, с посохом этим... огонь синий... вы правда волшебство творите?

— Правда, — Алиса не стала отпираться. — Но не только посохом. Самое главное волшебство начинается здесь.

Она постучала пальцем по пузатому горшку, который держала на коленях.

— В кастрюле?

— В голове, — поправила Алиса. — Знаешь, Флора, почему ваша похлебка всегда одинаковая, хоть с мясом, хоть

без?

Флора растерялась:

— Ну... репа есть репа, вода есть вода. Чего еще?

— Баланса, — сказала Алиса.

Она взяла горсть клюквы, бросила в миску, добавила щепотку соли, ложку меда из того самого горшка, что нашли в погребке, и залила все кипятком. Размяла ягоды деревянной ложкой, дала Флоре попробовать.

Та сморщилась — кисло.

— А теперь с мясом, — Алиса достала из корзины кусок оленины, оставшийся от последней охоты. Нарезала тонкими ломтями, обжарила на сухой стенке чугунок, добавила лука, потом — той самой кислой клюквенной заливки.

— Мясо будет кислым? — с сомнением спросила Флора.

— Погоди.

Через час, когда похлебка томила на углях, Флора попробовала снова. Глаза ее расширились.

— Господи... — выдохнула она. — А куда кислота делась?

— Никуда, — улыбнулась Алиса. — Она соединилась с жиром и солью и стала глубиной. Слышишь? Мясо теперь не просто мясо — оно раскрылось. Стало насыщеннее, плотнее, и во рту после него не остается тяжести. Это называется баланс. Кислое режет жир, соленое подчеркивает сладкое, горькое собирает все вместе. Четыре вкуса, которые спорят друг с другом, а потом мирятся.

— Четыре? — Флора наморщила лоб. — А пятый?

— Пятый? — Алиса задумалась. Она не стала углубляться в умы — в этом мире и четырех хватит. — Пятый — это то, что заставляет тебя хотеть еще. Тайна. Но ее не объяснить, ее можно только почувствовать.

Через неделю Флора уже сама экспериментировала. Алиса нашла ее на заднем дворе, где та перебирала кадушки с квашеной капустой.

— Соли маловато, — бормотала Флора, пробуя рассол. — И яблоч бы кислых... у нас есть?

— Есть, — Алиса протянула корзину с дикими яблоками, которые Пахом принес из лесу. — Но я хочу показать тебе кое-что другое.

Она достала из-под крыльца глиняный горшок, перевязанный чистой тряпицей. Открыла. Флора заглянула внутрь и отшатнулась.

— Там же... там же овощи! Они что, испортились?

— Нет. — Алиса выудила деревянной палочкой морковный ломтик. — Попробуй.

Флора взяла, с опаской положила в рот. Жевать не спешила. Потом глаза ее округлились.

— Это... это не квашеное?

— Это ферментированное, — сказала Алиса. — Ты знаешь, как квасить капусту? Соль, вода, гнет. Так же можно сделать с морковью, с репой, с огурцами, даже с грибами. Только воды не надо — достаточно соли и собственного сока.

— Но зачем? — Флора смотрела на горшок с сомнением и восхищением одновременно. — Капуста и так хранится всю зиму.

— Хранится, — согласилась Алиса. — Но в квашеной капусте есть сила, которой нет в свежей. Живая сила.

Она взяла еще один ломтик, поднесла к свету.

— Когда овощи бродят в собственном соку, в них рождаются маленькие невидимки. Их никто не видит, но они живут внутри, и когда мы их едим, они помогают нам бороться с хворями. С животом, с простудой, с усталостью. В столице за такие горшки золотом платят. А у нас — лес рядом и соль есть.

— Невидимки, — благоговейно повторила Флора. — Это... это магия?

— Это наука, — усмехнулась Алиса. — Но выглядит как магия, если не знать секрета.

Секрет разошелся по деревне быстрее, чем слух о новом частоколе. Пахом притащил кадку под репу, Спиридон выковал деревянные гнеты с железными ручками, даже Михай, который обычно сторонился бабьих дел, принес из леса молодые березовые листья.

— Говорят, они силу дают? — спросил он, пряча глаза.

— Дают, — кивнула Алиса. — Положи на дно, потом репу, потом сверху — щепотку можжевельника, чтоб хруст оставался.

Михай записывал на дощечке, старательно выводя углем

буквы. Он уже не стеснялся. Никто в Каменном Логу больше не стеснялся.

Поздним вечером, когда Лева уже спал, свернувшись клубком у камина, а Лютобор ушел проверять стражу, Алиса сидела в кухне одна. Перед ней стоял горшок, в котором уже несколько часов булькало что-то прозрачное, янтарное.

Лютобор вошел бесшумно — как всегда, когда не хотел мешать. Остановился, глядя на горшок.

— Опять колдуешь?

— Варю, — поправила Алиса. — Это разные вещи.

Она сняла крышку. Пар вырвался густым, пахнущим мясом, травами и чем-то еще — сладким, неуловимым.

— Это же просто бульон, — сказал Лютобор.

— Нет, — Алиса зачерпнула ложкой, подула, протянула ему. — Попробуй.

Лютобор попробовал. И замер.

— Вкус... он плотный. Как... как будто я не воду пью, а...

— А само мясо, — подсказала Алиса. — Только без волокон. Это кости, Лютобор. Я варила кости. Семь часов, на самом медленном огне, с кореньями и травами. Все, что было в костях силы, все ушло в воду. Кожа, связки, костный мозг — все, что делает человека сильным, когда он ест мясо. Но старые люди, у которых зубов уже нет, или дети, которые только растут, они не могут жевать мясо. А такой бульон — могут.

— Лекарство? — Лютобор смотрел на нее с новым выра-

жением.

— Еда, — поправила Алиса. — Самая простая. Самая древняя. Кости, вода, огонь и время. Это старше любого посоха.

Она налила бульон в кружку, добавила щепотку сушеной клюквы, от которой тот стал чуть розовым, и протянула Лютобору.

— Это для тех, кто не может жевать. Для больных, для слабых, для стариков. Если зимой кто занеможет — не ячменем же их кормить. Желе — это сила, которую можно пить.

Лютобор взял кружку, отпил. Помолчал.

— Ты думаешь, что этот мир можно изменить едой?

— Я знаю, что его можно изменить, — ответила Алиса.

— Люди, которые сыты, реже дерутся. Люди, которые знают вкус, реже врут. А если они еще и сами могут этот вкус создать... — Она улыбнулась. — Тогда им уже не нужен господин, который скажет, что хорошо, а что плохо. Они сами знают.

Лева, который притворялся спящим, приоткрыл один глаз и довольно заурчал.

На улице светало. Где-то внизу, в деревне, уже просыпались люди. Кто-то пошел проверять горшки с квашеной репой, кто-то ставил на огонь костный бульон, кто-то просто вспоминал слова барыни о том, что кислое и сладкое могут дружить, если их правильно познакомить.

Каменный Лог жил. И пахло от него теперь не только ды-

мом — пахло жизнью.

Алиса сидела на пороге кухни, смотрела на рассвет и чувствовала: это и есть ее сила. Не синий огонь, не древний посох, не камень на груди. А то, что она умеет делать простые вещи — понятными. А сложные — простыми.

И этот секрет никто не мог у нее отнять.

В тот вечер Алиса устроила ужин.

Это слово — «ужин» — в Каменном Логу означало просто вечернюю еду. Мисочка каши, ломоть хлеба, если есть, кружка воды или травяного отвара. Каждый забирал свою долю и рассаживался кто где — у порога, на лавке, в углу, чтобы никому не мешать. Еда была топливом. Ничего лишнего.

Алиса смотрела на это и вспоминала свой первый ресторан. Маленький, с десятью столами, где каждый стул стоил как крыло самолета, но люди приходили не ради еды. Они приходили ради того, чтобы сесть за красиво накрытый стол, почувствовать ткань скатерти пальцами, увидеть, как играет свет в хрустале, услышать шепот официантов и свой собственный голос, произносящий заказ. Еда была частью, но не главной.

— Флора, — позвала она. — Неси все миски в людскую.

— Все? — удивилась та. — А как же... ну, каждый свое?

— Сегодня будем есть вместе.

Флора не поняла, но перечить не стала.

В людской Алиса разложила миски на длинном столе, который Пахом сколотил еще летом. Не абы как — она расставила их по кругу, в центре оставила место для горшка с кашей. С краю поставила плошку с моченой брусникой, рядом — глиняную кружку с диким луком, мелко нарезанным.

— Это что? — спросил Михай, заходя с мечом — он только вернулся из дозора.

— Украшение, — сказала Алиса.

— Кашу? Украшают? — Он посмотрел на нее так, будто она предложила расчесать коню гриву.

— Попробуем.

Каша была простой, с грибами и луком, на воде, без масла. Алиса выложила ее в центр горшка горкой, полила брусничным взваром, сверху присыпала зеленым луком. Вокруг расставила миски, в каждую положила по ложке, рядом — ломоть вчерашнего хлеба.

Люди заходили по одному. Смотрели на стол. Молчали.

Первой не выдержала Флора:

— Красиво...

Флора села, потом Пахом, потом Спиридон, потом Михай, потом Лютобор, потом те, кто жил на краю деревни, потом те, кто только пришел в Каменный Лог этой осенью. Все молчали. Не от страха — от того, что не знали, как себя вести.

— Ешьте, — сказала Алиса.

Флора зачерпнула первую ложку. Пожевала. Потом еще.

— Тут... — она повертела головой. — Ты что-то сделала?

Та же каша?

— Та же, — кивнула Алиса.

— А почему вкуснее?

— Потому что на нее приятно смотреть, — сказала Алиса.
— Когда еда красивая, она радует глаза. А когда радуются глаза, радуется и небо. Слышишь разницу?

Флора прислушалась к себе.

— Слышу, — сказала она удивленно. — Каша... она мягче, что ли. И зелень эта... вроде просто трава, а так свежо.

— И кислинка от брусники срезает жир, — добавила Алиса. — Грибы-то на масле жарили. А кислое масло не дает тяжести.

— А я и не знал, что кислое с жирным можно, — протянул Пахом. — Мы бруснику всегда отдельно, моченую. Как закуску.

— Можно, — кивнула Алиса. — Главное — знать, когда и сколько.

Она оглядела стол. Люди ели не торопясь, не хватали, как обычно, не чавкали, уткнувшись в свои углы. Сидели рядом, передавали друг другу хлеб, пододвигали плоску с брусникой. Кто-то спросил у соседа, понравилось ли, тот кивнул, и они вдруг улыбнулись друг другу.

— У нас в столице, — начал Лютобор, откладывая ложку, — был один трактир. Не для знати, для купцов. Там подавали простое мясо, но всегда на подстилке из свежей зелени. И мясо казалось другим. Лучше.

— Потому что глаза едят первыми, — сказала Алиса. — И уши. И нос. И руки. А рот — последним.

— А уши? — удивился Михай.

— Звук. Как хрустит хлеб, как булькает похлебка, как скрипит ложка о миску. Когда все тихо — еда кажется пресной. Когда вокруг шумят, смеются, переговариваются — и еда становится вкуснее.

Люди оглянулись. В людской действительно стало шумно. Кто-то рассказывал о вчерашней охоте, кто-то жаловался на забор, который ветром повалило, кто-то просто слушал и улыбался.

— Это и есть трапеза, — сказала Алиса. — Когда вы не просто едите, а живете. Вместе.

Через несколько дней Флора пришла к ней с запиской. На дощечке, углем, коряво, но разборчиво было выведено:

«Понедельник — суп густой, грибы, коренья. Среда — каша, брусника, лук зеленый. Пятница — уха, если будет рыба».

— Это что? — спросила Алиса.

— Меню, — выдохнула Флора. — Как вы говорили. Чтобы каждый день разное. Чтобы не приедалось.

— Откуда узнала, что в пятницу рыба будет?

— Пахом сказал, они с мужиками сеть новую сплели. Если Бог даст, наловят. А если нет — будет каша.

Алиса улыбнулась. Повесила дощечку на стену в людской, на самое видное место.

— А кто читать-то будет? — спросил Спиридон, глядя на корявые буквы.

— Ты, — сказала Алиса. — Ты грамотный. Будешь читать вслух.

— Вслух? — он нахмурился. — Зачем?

— Чтобы уши ели.

Через месяц в Каменном Логу уже никто не ел в углу. Даже старуха, которая жила на отшибе и ворчала, что "молодые выдумки не к добру", перебралась в людскую. Сидела на лавке, выпрямив спину, и ждала, когда Спиридон прочитает, что сегодня на обед.

— Сегодня, — объявлял он громогласно, — суп из репы с мясом, квашеная капуста с клюквой и... — тут он делал паузу, — пироги с грибами.

— Пироги! — кричали дети.

— Пироги, — подтверждал Спиридон, и в голосе его слышалась такая гордость, будто это он их выдумал.

Люди рассаживались по местам. Кто-то доставал из кармана чистый платок и расстилал на коленях, кто-то приглаживал волосы, кто-то поправлял рубаху.

— Как в гости собрались, — усмехнулся Пахом.

— А мы и есть в гости, — ответила Алиса. — Друг к другу.

ГЛАВА 1.2: ВЕСНА Зимние уроки

Весна в Каменный Лог пришла неожиданно. Снег сошел за неделю, обнажив почерневшую землю, по оврагам зажурчали ручьи, и в воздухе запахло тем особенным, предвесенним — сыростью, прелой листвой и надеждой.

Алиса вышла на крыльцо и увидела, как бабы выносят на свет первые ростки. Не те, что должны были взойти в огороде, — те, что стояли на подоконниках в глиняных плошках, прикрытых тряпицей.

— Это что? — спросила она у Флоры.

— А вы говорили, — та зарделась. — Про... ну, про молодую траву. Что она силу дает, когда все еще спит. Мы и посадили. Вот, горох, вот лебеда, вот крапива. Только она мелкая еще.

Алиса подошла ближе. В плошках, на тонком слое земли, зеленели нежные, почти прозрачные стебельки. Гороховые проростки вились вверх, крапива только-только выбросила первые листочки, лебеда стояла плотным ковриком.

— Это же микрозелень, — выдохнула она.

— Микро... что? — Флора растерялась.

— Молодая зелень, — поправилась Алиса. — Самые первые всходы. В них силы больше, чем в старых листьях. Вся мощь растения — в ростке. Витамины, — она запнулась, подбирая слово, — здоровье. Для тех, кто всю зиму проси-

дел на репе и солонине, это как... как глоток свежего воздуха.

— Так мы и думали, — обрадовалась Флора. — Пахом сказал, что скотину весной на молодую траву выпускают, чтобы сил набралась. А чем мы хуже?

— Ничем, — улыбнулась Алиса. — Только скотина сама пасется, а мы — растим.

К обеду она обошла все избы. У кого-то на подоконнике стояли плошки с пшеницей, у кого-то — с овсом, у Спиридоны, который никогда не отличался нежностью к растениям, в кузнице нашелся ящик с репчатыми проростками.

— Жена любила, — буркнул он, заметив ее взгляд. — Говорила, лук зеленый — к долгой жизни.

— Правильно говорила, — кивнула Алиса. — Только не надо его в землю сажать. Возьми луковицу, поставь в воду, через неделю зелень будет.

Спиридон посмотрел на нее, потом на ящик, потом снова на нее.

— И все?

— И все.

Он покачал головой, но луковицы в воду поставил.

Через две недели, когда огород только начинали копать, у каждой избы уже зеленели ящики. Алиса научила Флору, как резать молодую крапиву, чтобы не жглась (ошпарить кипятком, но не варить, чтобы витамины не убить), как добавлять

лебеду в кашу, чтобы та стала не сытнее, а полезнее, и как сделать салат из гороховых проростков с клюквой и медом.

— Это же сорняки, — недоумевал Пахом, жуя зеленый салат с недоверием на лице. — Мы их всегда выпалывали.

— А теперь будете есть, — отрезала Алиса. — В столице за такую зелень золотом платят. Потому что она — первая. Потому что она — живая. Потому что после зимы, когда все болеют и сохнут, она ставит на ноги быстрее любого лекаря.

— И как же вы это знаете? — спросила одна из баб, та, что помоложе, смотрела на Алису с уважением и страхом.

— Бабка научила, — отмахнулась Алиса. — В деревне, где я росла, все так делали.

Бабка из другого мира, знавшая про микрозелень из инстаграма, мысленно усмехнулась.

Пока бабы возились с ростками, Алиса занялась тем, что лежало за амбаром. Целая гора костей, оставшихся после зимней разделки туш, ждала своей участи.

— Это зачем? — спросил Михай, когда она велела ему развести под навесом большой костер.

— Удобрение, — ответила Алиса. — И корм.

— Кости? — он недоверчиво покосился на гору.

— Кости. Пережжем до золы, потом истолчем в муку. В муке этой — сила. Кальций, — она снова запнулась, — вещество, которое делает кости крепкими. И не только у людей. Если землю такой мукой посыпать, огород лучше родит.

— Огород? — Михай был явно не готов к тому, что прошлогодние ребра пойдут на корм капусте.

— А ты думал, откуда в земле сила берется? — Алиса подбросила в костер еще веток. — Все, что живет, после смерти возвращается в землю. Кости — это самое ценное. Кальций, фосфор... — она увидела его лицо и сменила тон. — Крепость, в общем. Для стеблей, для корней, для плодов. Без этого все будет чахлым.

— И вы... бабка тоже научила?

— Бабка, — кивнула Алиса.

Михай больше не спрашивал. Он только подкладывал ветки в костер и смотрел, как огонь пожирает то, что еще недавно было жизнью.

Золу из костров собирали в отдельные мешки. Ту, что от дров — для щелока и мытья посуды, ту, что от костей — для огорода. Алиса объяснила Флоре, как вываривать золу в воде, чтобы получить крепкий раствор для стирки, и та ходила потом по деревне, удивляясь, почему раньше ее рубахи были серыми, а теперь стали белыми.

— Вы бы видели, — рассказывала она другим бабам, — я старую фартук замочила в этом... в щелоке, а он, как новый, стал. И ни копоты, ни жира. Чистота!

— Секрет в золе, — пожимала плечами Алиса. — В ней сила, которая грязь выводит.

— И огород растет, и грязь выводит, — качала головой Флора. — Словно живая.

Но главное открытие ждало ее в кузнице. Спиридон, который последние недели был тих и сосредоточен, вдруг позвал ее к себе.

— Барыня, — сказал он, отводя глаза. — Тут такое дело. Я вот жмых от семян... ну, от конопли, который остается, когда масло выжимаешь... Я его не выбрасывал. В прошлом году скотину подкармливал. А в этом...

Он открыл мешок. Внутри была темная, плотная масса, пахнувшая орехами и чем-то еще.

— Я подумал, — продолжал он, мучительно подбирая слова, — вы говорили, что зима будет долгая. Что скотину кормить нечем. А тут... белок, — он выговорил это слово так, будто пробовал его на вкус. — Вы говорили, белок силен.

— Говорила, — кивнула Алиса.

— Вот. Я его не выкинул. Спрятал. Теперь коровам даю. Они... они лучше молоко давать стали.

Алиса посмотрела на мешок, потом на Спиридона.

— Ты это... сам?

— Сам, — он нахмурился. — Я кузнец. Я знаю, что в железе сила. А в чем еще? В земле? В огне? В том, что растет? Вы меня научили.

— Я? — удивилась Алиса.

— А кто? — он посмотрел на нее в упор. — Вы пришли, и все стало по-другому. Каша — не просто каша, зола — не просто пепел, кости — не просто мусор. Все делу. Все впрок. Все — сила.

Он замолчал. Алиса тоже молчала.

— Спасибо, — сказал он наконец. И ушел в кузницу.

Вечером она сидела на крыльце, глядя, как догорает закат. Лева пристроился рядом, положил голову ей на колени.

— Ты знаешь, — сказала она коту, — иногда мне кажется, что самое важное, что я принесла в этот мир, — это не посох и не магия. Это знание, что отходы — это не конец. Что кости могут стать мукой, зола — щелоком, жмых — кормом. Что сорняки — это еда, а проростки — лекарство.

Кот муркнул, не открывая глаз.

— В моем мире, — продолжала Алиса, — это называется "безотходное производство". Там люди придумали специальное слово для того, что здесь кажется обычным делом. Бережливость. Умение видеть ценность в том, что другие выбросили.

Она погладила кота.

— Спиридон понял это сам. Без меня. Просто... посмотрел на мир другими глазами. И увидел.

Лева вздохнул. Мол, конечно, увидел. Ты ему показала.

Алиса улыбнулась.

— Может, в этом и есть моя сила? Не в огне, не в камне. В том, чтобы научить людей замечать то, что рядом. Копить, а не выбрасывать. Жить, а не выживать.

Кот открыл один глаз, посмотрел на нее, снова закрыл.

На деревню опускалась ночь. Где-то в кузнице еще стучал молот — Спиридон готовил сошники к весенней пахоте. Где-

то бабы перебирали семена, откладывая лучшие на посев. Где-то Пахом и мужики чинили забор.

Каменный Лог копил силы. К весне. К жизни. К тому, что должно было прийти.

Алиса встала, потянулась.

— Пойдем, Лева, — сказала она. — Завтра много дел.

Кот прыгнул с колен и побежал вперед, освещая дорогу зелеными глазами.

А впереди, в темноте, уже ждала весна.

Весна в Каменном Логу шла полным ходом, но Алиса все чаще ловила себя на том, что мысли ее возвращаются назад. В зиму, когда она впервые поняла: выжить — это не просто наесться досыта. Выжить — это сохранить себя. Целиком. С зубами, с чистой кожей, с водой, которую не страшно пить.

Мыло

Это началось с Флоры. Та пришла как-то в начале зимы, пряча руки в рукава.

— Барыня, — сказала она, — а можно... ну, чем-нибудь... чтобы не так пахло?

— Чем не пахло? — не поняла Алиса.

— Да я сама не знаю. — Флора покраснела. — Зимой мы редко моемся, холодно. А тут... к весне-то все...

Алиса посмотрела на нее внимательно. На потускневшие волосы, на серую кожу, на красные, потрескавшиеся руки.

— Мыла хочешь? — спросила она.

— Мыла? — Флора вытаращила глаза. — Это которое господа... белое, пахучее?

— Которое смывает грязь, — поправила Алиса. — И запах. Идем.

В кухне она велела Флоре принести золы из печи. Ту, что полегче, светлую, древесную. Сама достала из кладовки чугунок с жиром — тем, что остался после забоя, желтый, плотный, ни на что больше не годный.

— Смотри, — сказала она, заливая золу водой. — Это называется щелок. Надо настоять, день-два. Потом процедить сквозь ткань, чтобы зола не попала.

Флора смотрела, как мутная вода стекает в подставленный горшок, и недоверчиво качала головой.

— А потом?

— А потом варим. — Алиса поставила горшок на огонь, добавила жир. — Жир и щелок. Долго, час, а то и два. Пока не станет густым, как сметана.

Они варили вместе. Флора мешала деревянной ложкой, Алиса подкидывала дрова. В кухне пахло странно — не едой, не дымом, а чем-то новым, чистым.

— А теперь, — сказала Алиса, когда масса загустела, — самое главное. Добавляем то, что сделает мыло не просто чистым, а желанным.

Она достала с полки баночки: сушеную мяту, чабрец, горсть сосновых иголок, растертых в порошок, и маленький горшочек с медом.

— Мята — для свежести, — объясняла она, высыпая травы. — Чабрец — для силы. Хвоя — от болезней. А мед — чтобы пахло.

— И это... все? — Флора смотрела, как серая масса на глазах темнеет, впитывает зелень.

— Все. Теперь разольем по формочкам. У тебя есть?

Флора принесла деревянные плошки, те, что для выпечки. Алиса зачерпнула мыло, разлила.

— Застынет дня через три. Потом вынимай, режь на куски, суши в тени. И будет тебе мыло.

Через неделю в людской пахло мятой и хвоей. Мыло получилось твердым, темным, некрасивым но, когда Алиса намылила руки, пена пошла густая, белая, и Флора ахнула.

— Господи... это же...

— Это простое мыло, — сказала Алиса. — Дешево. Сердито. Но в столице за такое золотом платят.

— А мы? — Флора не дышала. — Мы... продавать будем?

— Будем, — кивнула Алиса. — Когда научимся делать хорошо. Когда запасы наладим. Когда...

Она не договорила. Флора уже примеряла, как поедет в столицу, как покажет товар на ярмарке, как выручит серебро на новую печь.

Алиса улыбнулась.

Зубной порошок

Зубы у местных были плохие. Алиса заметила это еще по прибытии — желтые, стертые, с черными дырами, из кото-

рых пахло гнилью. Зимой, когда еда стала скуднее, а травы свежей не стало, все только усугубилось.

— Почему не чистите? — спросила она как-то у Пахома.

— Чем? — удивился тот. — Раньше золой терли, да она горькая. А так — и так сойдет.

— Не сойдет, — отрезала Алиса. — Потом выдирать придется. Или сдохнешь от жара, когда зуб сгниет.

Пахом побледнел.

— Что делать?

— Принеси уголь. Из березы, самый мелкий. И соль. И мяту сушеную.

В тот же вечер Алиса сидела в кухне, растирая уголь в ступке. Лева, которому надоело наблюдать, ушел греться к печи.

— Соль — чтобы чистило, — бормотала она, ссыпая черный порошок в миску. — Уголь — чтобы белило. Мята — чтобы свежо было.

— И все? — спросил Михай, который зашел погреться и теперь смотрел на ее эксперименты с сомнением.

— И все. Пробуй.

Она насыпала щепотку на влажную палку, обмотанную тряпицей, протянула ему.

Михай долго смотрел на черную кашицу, потом сунул в рот. Пожевал, сплюнул.

— Горько.

— Зато чисто. И дышать свежо.

Он принялся к своему дыханию. Помолчал.

— А ведь и правда.

Через месяц порошок был в каждом доме. Кто-то ворчал, кто-то отплевывался, но зубы чистили. Даже Спиридон, который поначалу отмахивался, пришел за новой порцией.

— Старая кончилась, — буркнул он, пряча глаза. — У вас еще есть?

— Есть, — улыбнулась Алиса. — Для тебя — всегда.

Вода

Самым страшным было не мыло и не зубы. Самым страшным была вода.

Алиса заметила это еще осенью: после дождей люди болели. Животом, жаром, слабостью. Особенно дети. Флора носила мальчика то к знахарке, то к Велене, но тот все равно хворал.

— Вода, — сказала Алиса, когда в очередной раз увидела, как бабы набирают из ручья мутную, пахнущую тинной жидкость. — Вы же не кипятите.

— А зачем? — удивилась та. — Вода как вода.

— В которой микробы, — вздохнула Алиса. — Ладно, идем.

Она велела Пахому принести большой чугунок, песок, мелкие камни, уголь и кусок плотной ткани.

— Будем воду чистить, — объявила она.

Мужики смотрели на нее, как на сумасшедшую. Но слушались.

Алиса показала, как проделать в днище чугунок дыры, как уложить слоями: сначала ткань, потом уголь, потом песок, потом камни. Как лить воду сверху и ждать, пока она стечет вниз, чистая, прозрачная, без запаха.

— Это же... колдовство, — выдохнул Пахом, глядя, как мутная жижа превращается в прозрачную влагу.

— Это чистота, — поправила Алиса. — Пейте теперь эту. И кипятите.

К зиме у каждого двора стоял свой чугунок-фильтр. Бабы уже не ходили к ручью — набирали снег, топили, чистили, кипятили.

Каменный Лог таял.

Алиса стояла на крыльце, щурилась от яркого солнца и слушала, как с крыш падают капли. Лева сидел на перилах, грел пузо на солнце и довольно жмурился. Кот после столичных приключений был особенно доволен жизнью.

Флора бежала через двор, размахивая руками, как мельница крыльями.

— Вы гляньте, что на полях! Это вы, барыня? — выдохнула Флора. — Вы вчера ходили тут с посохом... Земля родить будет! Люди сыты будут! Это ж...

Алиса спустилась с крыльца, пошла за ней. То, что она увидела, заставило ее замереть.

Поля, которые еще неделю назад были мерзлой землей с остатками прошлогодней травы, зеленели. Не кое-где — вез-

де. Молодая, сочная, ярко-зеленая трава пробивалась сквозь остатки снега, росла прямо на глазах.

Алиса посмотрела на свои руки. Посох, который она теперь не выпускала, чуть светился в солнечном свете.

Лева подошел, потерся о ноги. Посмотрел на нее своими зелеными глазами. В них читалось: «Ты — моя. И этого достаточно».

— Пойдем, — сказала Алиса. — Людей собирать. Весна пришла.

Вечером, когда все разошлись, Алиса вышла на крыльцо. Луна светила ярко, заливала двор серебром. Вдалеке ухал филин, пахло талым снегом и весной.

Она достала амулет, который нашла утром под подушкой. Маленький, серебряный, с выгравированным знаком — два переплетенных круга.

Записка прилагалась: «Жди. Я вернусь. В».

— Влад... — прошептала она, прижимая амулет к груди. — Что ты со мной делаешь? Почему даже тень твоего имени заставляет сердце биться чаще?

Лева, сидевший у ее ног, недовольно фыркнул.

— Ревнуешь? — тихо рассмеялась Алиса, наклоняясь, чтобы погладить его по мягкой шерсти.

Кот отвернулся, но она знала — он просто притворяется обиженным.

— Дурак ты, Лева. Я люблю вас обоих — по-разному, но

одинаково сильно.

Лева дернул ухом, но так и не обернулся.

Алиса спрятала амулет под платье, туда, где билось сердце. И, бросив последний взгляд на лунную дорожку, ведущую к лесу, шагнула в тепло дома.

Ночь обещала быть долгой... но теперь она не боялась ее одиночества.

От автора:

Дорогие друзья!

Спасибо всем тем, кто лайком или комментарием показал интерес к истории Алисы и ее друзей. Разумеется, при такой активности я сконцентрируюсь именно на этом проекте.

Вас ждет долгая и увлекательная история и, самое главное, ежедневные проды за исключением редких выходных и форс-мажоров.

ГЛАВА 2: ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Он вернулся через три дня.

Алиса узнала об этом от Левы. Кот вдруг вскочил и забежал вдоль камина, где дремал после обеда, наострил уши и метнулся к двери. Не зашипел, не зарычал — замер, принюхиваясь.

— Что там? — спросила Алиса, откладывая книгу.

Взгляд Левы выразительно обратился к Алисе, говоривший многое без слов: «Он близко».

Быстро выйдя на крыльцо, девушка увидела фигуру всадника, появившуюся у ворот поместья. Высокий стройный силуэт выделялся суровым величием на фоне весеннего пейзажа.

У ворот стоял всадник. Черный конь, черный плащ, серебряный знак на груди. Влад спешился, бросил поводья подбежавшему Пахому и пошел к ней.

Он не бежал. Он шел спокойно, ровно, как ходят люди, которые умеют ждать. Но Алиса видела — в глазах его горел огонь. Взгляд мужчины задержался на Алисе, поглощая ее образ целиком. Глаза пылали особым блеском, теплым и страстным, как язычок свечи в темноте.

Он остановился в двух шагах. Смотрел на нее так, будто видел впервые. Или в последний раз. Алиса задрожала, встретив этот магнетический взгляд. Сердце учащенно заби-

лось, тело сковал приятный трепет ожидания.

— Вы... — начал он.

— Барыня! — заорал Пахом от ворот. — Коня куда?

— В стойло! — крикнула Алиса, не оборачиваясь. — И чтоб накормили!

Пахом понятливо исчез.

Они остались вдвоем. И Лева, который сидел на крыльце и внимательно наблюдал.

— Пойдемте, — сказала Алиса. — К пруду, в сторону реки. Там никого.

Голос женщины звенел легкой неуверенностью, вызвавшей желание защищать и беречь. Глубокий смысл каждого слова пульсировал ожиданием взаимного откровения, позволяя принять новую реальность, возникшую между двумя одинокими душами.

Пруд еще не до конца растаял. У берега лежал лед, но в центре уже плескалась темная вода, отражая вечернее небо.

Они стояли на мостках, глядя на закат.

— Зачем вы вернулись? — спросила Алиса.

Влад повернулся к ней, и впервые за долгие годы его лицо выдало то, что он так тщательно прятал — не страсть, а почти детскую растерянность, будто он стоял на краю обрыва и не знал, шагнуть ли вперед или отступить.

— Я пытался вытравить вас из мыслей, как ересь. Загружал себя работой — допросами, отчетами, бесконечными

проверками, — хотел утомить разум до беспамятства. Но вы... вы оказались упрямее любой ведьмы. Проникали в сны, шептались в шорохе бумаг, мерцали в отблесках свечей. И каждое утро я просыпался с чувством, будто совершил предательство. Не перед орденом — перед вами. Потому что оставил. Потому что не знал, вернетесь ли вы ко мне.

— Это называется...

— Любовь, — перебил он резко, но голос дрогнул, выдавая внутреннюю борьбу. В его глазах мелькнула горечь. — Да, я знаю. Ирония в том, что я, человек, привыкший разделять мир на черное и белое, теперь тону в оттенках серого. Влюбился в ту, чьи способности должен был считать угрозой... в ту, кого по всем правилам должен был... — он запнулся, сжал кулаки, — опасаться.

Алиса прищурилась, изучая его, словно пыталась прочесть между строк то, что он не решался произнести вслух. В ее взгляде было не только удивление — в нем читался страх.

— Страшно не то, что вы влюбились, — произнесла она медленно, почти шепотом. — Страшно, что вы это признали.

— Вот именно, — усмехнулся он безрадостно. — Потому что теперь обратного пути нет. Ни для вас, ни для меня. Я, инквизитор, который сжег десятки ведьм, теперь сам оказался во власти того, что должен был искоренять. И это... — он на мгновение закрыл глаза, словно борясь с чем-то внутри, — страшнее любого костра. Я боюсь не огня и не меча. Я боюсь потерять вас.

Алиса замерла. В тишине было слышно лишь их дыхание — неровное, сбивчивое, как пульс перед ударом.

— Вы всегда учили других распознавать обман, — сказала она тихо. — Но теперь сами оказались в ловушке.

— Да, — кивнул он. — И хуже всего то, что я не хочу из нее выбираться.

Он протянул руку, коснулся ее щеки. Пальцы были холодными, но прикосновение обожгло.

— Я не умею быть другим, — сказал он. — Я не умею говорить красиво, не умею ухаживать, не умею обещать вечную любовь. Но я умею одно: защищать. Я умру за вас. Я убью любого, кто посмеет вас тронуть. Я буду рядом, пока вы позволяете.

— А если не позволю?

— Тогда уйду. И буду ждать за горизонтом.

Алиса смотрела в его серые глаза и видела в них то, чего не видела ни в одном мужчине. Не страсть даже — одержимость. Чистую, ледяную, бескомпромиссную.

— Поцелуйте меня, — сказала она. В ее глазах читалось что-то большее, чем желание — вызов, отчаяние, последняя попытка ухватиться за что-то настоящее в этом безумном мире.

Он не стал ждать второго приглашения.

Сначала — едва ощутимое прикосновение пальцев к ее щеке. Нежное, как воспоминание, как след тени на стене. Но уже в следующее мгновение его ладони сжали ее плечи —

резко, почти до боли, словно он боялся, что она и правда исчезнет, растает, как дым.

Его губы были холодными от ночного ветра, но поцелуй обжег, как огонь — не обжигающий, а всепоглощающий, как пламя, в котором сгорают все запреты. Он целовал ее сначала медленно, бережно, будто она была хрупким цветком, способным рассыпаться от неосторожного дыхания.

А потом все изменилось.

Нежность переросла в страсть, бережность — в отчаянную жажду. Он целовал ее жадно, глубоко, теряя контроль, запутывая пальцы в прядях ее волос, притягивая ближе, еще ближе, так, чтобы между ними не осталось ни малейшего зазора. Их дыхание стало тяжелым, прерывистым, смешивалось в одном ритме, сбивчивом, как бегство от чего-то неотвратимого.

Она отвечала так же — не сдерживаясь, не думая о последствиях. Вцепилась в его плащ, смяла ткань в кулаках, прижалась всем телом, словно пытаясь слиться с ним воедино. Ее пальцы скользнули по его груди, задели пуговицы мундира, задержались на шее, где под кожей неистово бился пульс — такой же бешеный, как ее собственный.

Где-то далеко, за гранью сознания, мелькнула мысль: *«Это ошибка. Это опасно. Это не должно было случиться».*

Но ни он, ни она уже не могли остановиться.

В этом поцелуе было все: боль прошлого, страх будущего и то самое, невыразимое, что бывает только раз в жизни

— когда два одиночества наконец находят друг друга. Когда все клятвы, все запреты, все границы стираются в пламени одного мгновения.

Их сердца бились в унисон — громко, отчаянно, как два крыла, пытающиеся взлететь. И в этом ритме не было ничего, кроме них двоих — только тепло ее ладоней, вкус поцелуя и ощущение: наконец-то дома.

Лева на берегу демонстративно отвернулся и принялся вылизывать лапу.

Когда они оторвались друг от друга, дышать было нечем.

— Я с ума схожу, — выдохнул Влад.

Он уткнулся лбом в ее лоб.

— Что мы будем делать?

— Жить, — сказала Алиса. — Просто жить. И любить друг друга. А там посмотрим.

Он усмехнулся.

— Вы необыкновенная.

Они пошли назад, держась за руки. Лева бежал впереди, не оборачиваясь — обиделся.

— Ваш кот меня не любит, — заметил Влад.

— Он всех любит, кроме тех, кто мне нравится.

— Значит, я ему нравлюсь?

— Значит, он ревнует.

Влад рассмеялся — впервые, кажется, за много лет.

Алиса смотрела на него и думала: «Боже, какой же он красивый, когда смеется».

Вечером в людской был пир.

Влад сидел рядом с Алисой, и все видели, как она на него смотрит — с той тихой, почти затаенной радостью, от которой у нее светлели глаза. Флора подмигивала, Пахом одобрительно крякал, Спиридон хмурился, но молчал, нервно постукивая пальцами по краю стола.

Только Лютобор не пришел. Сказался больным и сидел в своей комнате, глядя в стену невидящим взглядом. В голове снова и снова всплывала картина: ее улыбка, обращенная не к нему. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. *«Глупо. Глупо было надеяться. Она всегда была слишком яркой для такого, как я»*. Он вспоминал, как однажды осмелился подарить ей букет из сухоцветов — она поблагодарила, улыбнулась, но потом забыла его на крыльце и его сожрала коза. Как символично.

Михай тоже не пил. Сидел в углу, точил нож и не поднимал глаз. Лезвие тускло поблескивало в свете лучины, а он водил по нему точильным камнем — раз, другой, третий, — монотонно, будто отсчитывая удары собственного сердца. В груди ныло, как от старой раны. Он знал, что не имел права ревновать — она никогда не давала ему надежд, — но все равно было больно. *«Я мог бы защитить ее лучше. Я бы никогда не позволил ей дрожать от страха. Но она выбрала его — человека огня и непа, а не меня, человека стали»*. Он резко провел камнем по лезвию — раздался пронзительный

скрежет. Несколько человек обернулись, но Михай не заметил.

Алиса видела их обоих. И чувствовала, как внутри что-то ноет — не торжество, нет, а странная, щемящая жалость. Она знала, каково это — любить и не быть услышанным. Знала, как обжигает надежда, как медленно умирает вера в чудо. И от этого ее радость казалась ей чуть ли не предательством.

— Все хорошо? — спросил Влад, заметив, как ее взгляд то и дело скользит к углу, где сидел Михай, и к дверям, за которыми скрывался Лютобор.

— Все хорошо, — ответила она, поворачиваясь к нему и заставляя себя улыбнуться. — Все будет хорошо.

Она верила в это. Очень хотела верить. Но где-то глубоко, под слоем уверенности, шевелился страх: а если их боль однажды обернется чем-то большим? Местью? Ненавистью? Разрушением?

Ночь обещала быть долгой. И очень интересной.

Но не для всех — для кого-то она уже стала бесконечно длинной и темной.

ГЛАВА 3: НОЧЬ И УТРО ПОСЛЕ

Они едва успели добраться до ее комнаты. Влад резко прижал Алису к прохладной стене узкого коридора, покрывая ее губы горячим, требовательным поцелуем, от которого у девушки подкосились ноги. Чувствуя твердую поверхность стены спиной, она судорожно хваталась за широкие плечи возлюбленного, наслаждаясь теплом его тела, крепостью мышц и острым ароматом, витающим вокруг него — смесью запаха костра, железа и чего-то неопределенного, личного, загадочного.

Переступив порог спальни, они замерли в крошечной тьме, прерываемой лишь мягким мерцанием камина и рассеянным лунным светом, льющимся из окна, окрашивающим комнату призрачным серебристым свечением.

Влад сбросил тяжелую ткань плаща, снял рубашку, обнажая сильное, гибкое тело, покрытое множеством старых боевых шрамов, напоминающих карту побед и поражений. Вид его потряс Алису — он воплощал собой нечто дикое, прекрасное и бесконечно притягательное.

— Ты... — начал он, сделав шаг вперед, испытывая очевидную внутреннюю борьбу, желание удержать себя в пределах приличий. — Больше не могу терпеть.

— Замолчи, — прервала она, притягивая его ближе. — Раздень меня.

Опытные пальцы легко управлялись с одеждой, снимая слой за слоем ткани, обнажая белоснежную кожу. Взгляд мужчины остановился на фигурке Алисы, осветившейся серебристым светом луны, переливающейся игрой теней и бликов.

— Ты такая прекрасная, — прошептал он, пораженный ее совершенством. — Будто явление из сна, который я боялся потерять.

— Я настоящая, — отозвалась она, прижимаясь теснее. — Здесь и сейчас. И я хочу тебя.

Мужчина поднял ее на руки, перенес на просторную постель. Все остальное происходило инстинктивно, подчиняясь древнему ритму страсти, свободной от условностей и запретов.

Влад был настойчив и бережен одновременно, словно боролся сам с собой, балансируя между потребностью контролировать и остротой желания обладать ею немедленно. Алиса отвечала страстно, впитывая каждое его движение, покусывая плечи, царапая спину, выкрикивая его имя в моменты наивысших ощущений.

И вдруг, в одну из пиковых секунд близости, Алиса ощутила мощный энергетический всплеск, сопровождаемый яркой вспышкой света, исходящего откуда-то изнутри.

Посох, прислоненный к стенке в дальнем углу комнаты, загорелся ослепительным сиянием, наполнив пространство энергией волшебства. Лева, расположившийся у две-

ри, мгновенно преобразился, приняв облик крупного волка, возвысившегося грозно и угрожающе, защищая хозяйку.

Воздух вибрировал, наполняясь звуком звенящего напряжения, распространяя сладкий аромат и электрические разряды, напоминающие молнии.

Влад застыл, широко раскрыв глаза, пораженный видом необычайного явления.

— Что это такое? — спросил он растерянно.

Следующая волна эмоций захлестнула Алису, заставив закричать от удовольствия, боли и полного восторга, ощущаемого в каждом атоме тела.

Посох продолжал сиять, словно маленький солнечный шар, передавая магическое послание любви и связи.

Волчий вой эхом отразился от стен комнаты, подчеркивая мистичность события.

Минуты тянулись долго, прежде чем вспышка энергии стихла, уступив место обычному существованию.

Оставшиеся в темноте, оба любовника тяжело дышали, тесно сплетенные, волосы влажные от пота, кожа горячая и восприимчивая к каждому прикосновению.

Камень на шее Алисы слабо пульсировал, отражая ритм биения сердца.

— Что это было? — повторил Влад вопрос.

— Это моя магия, — ответила она спокойно. — Она просыпается, чувствует связь, отклик на нашу страсть, на саму жизнь, на то, что возникло между нами.

Влад помедлил немного, затем привлек ее ближе, крепче прижимая к своему телу.

— Я никогда не встречал подобной тебе, — признался он искренне. — Такого чувства я больше нигде не испытываю. Я люблю тебя.

— Я тебя тоже, — согласилась она, радуясь открытости их сердец.

Так они уснули, тесно обнимая друг друга, сливаясь в единое целое, объединенное любовью и магией.

Алиса проснулась от холода. Рука, нащупавшая место рядом с собой, нашла только пустоту и остывшую простыню. Она открыла глаза. В комнате никого не было. На подушке лежала записка. Небрежно сложенный клочок бумаги, прижатый ее же гребнем.

«Уехал по делам. Вернусь. Жди. В.»

Алиса прочитала три раза. Потом четвертый.

— Вот сукин сын, — сказала она вслух.

Лева, дремавший в ногах, поднял голову и посмотрел на нее с выражением «я же говорил».

— Молчи, — огрызнулась Алиса.

Она села, натянула простыню, подошла к окну. Во дворе было пусто. Только свежие следы копыт вели от ворот в сторону леса.

— Уехал, — повторила она. — Даже не попрощался.

Лева спрыгнул с кровати, подошел, потерся о ноги. Уте-

шал.

— Все нормально, — сказала Алиса, глядя его. — Он вернется. Сказал же.

Кот посмотрел на нее с сомнением.

Утро выдалось морозным, прозрачным и абсолютно пустым.

Алиса вышла во двор, натянув теплый платок поверх головы, пряча шею от ледяного ветра. Двор встретил ее привычной повседневностью, но атмосфера изменилась, стала иной.

Михай колот дрова. Работая механически, вкладывая в удары топора столько злобы и разочарования, что щепки разлетались мелкими осколками в разные стороны, точно маленькие звезды в космосе.

Алиса приблизилась незаметно, останавливаясь за широкой спиной парня.

— Михай, — тихо обратилась она, стараясь привлечь внимание мужчины.

Тот сделал еще пару ударов, увеличивая темп, демонстрируя крайнюю степень раздражения и досады.

Щепка врезалась в руку молодого человека, ранив кожу, но он даже не обратил внимания, игнорируя боль.

— Хватит, Михай, остановись, пожалуйста, — попросила она, надеясь услышать объяснения.

Парень замедлился, приложив тяжелое лезвие к земле, выпрямился, повернувшись к девушке.

Его глаза покраснели от усталости и бессонницы, казалось, в них читалось обвинение и возмущение.

— Ты видел? — спросила она тихо.

— Все видели, — ответил он глухо. — Свет в окнах. Волчий вой. Полдеревни не спало. — Он обернулся. Глаза у него были красные. — Он уехал, барыня. Скажите спасибо, что хоть записку оставил. Я пойду, — зло процедил он сквозь зубы. — Дрова кончились.

Хлопнув дверцей сарая, парень ушел, даже не удостоив ее прощальным взглядом.

Алиса осталась одна посреди двора, глядя вслед уходящему парню, сжимая тонкую полоску бумаги, оставленную Владышей.

Внутри образовалась болезненная пустота, разрывающая грудь.

Позабыв о делах, она позвала кота:

— Лева, ты слышишь меня? — Левушка, — позвала она. — Что я наделала?

Лева пришел незамедлительно, садясь рядом, понуро рассматривая хозяйку.

Его зеленые глаза смотрели мудро и сочувственно, говоря без слов: «Ты выбрала путь, дорогая, будь готова нести ответственность».

— Было бы все проще, — грустно заметила Алиса, борясь с нахлынувшими эмоциями.

Фигура пожилой женщины возникла из-за угла кухни,

Флора вышла, увидев расстроенную барышню.

— Барыня, зачем вам здесь торчать? Морозец вас проду-ет. Идите-ка лучше в тепло, чай попьете горячий.

— Не хочется, — отказалась Алиса, вздыхая. — Не буду мешать вашей работе.

— Вот что за дурь, — проворчала Флора. — Вам сил на-браться надо, весна пришла, хлопот много предстоит. Муж-чины... — пожала плечами хозяйка. — Мужчины они и есть мужчины. Ваш инквизитор, никуда не убежит.

Алиса попыталась улыбнуться, тронутая словами старой женщины.

— Ты прям философ в юбке, Флора.

— Я простая крестьянская жена, — скромно поправила та, проводя девушку к дому. — А простой народ видит вещи такими, какими они есть: любовь, слезы, радости, потери — все вместе и одновременно.

Флора остановилась, обратив взгляд на густую зелень ле-са, украшенного туманом.

— Ждать придется, барыня, — серьезно добавила она. — Время идет, дороги открываются, а сердце знает, кого любит.

Произнеся это, женщина взяла корзинку и отправилась готовить завтрак.

Алиса послушно последовала за ней, прислушиваясь к словам Флориной мудрости и замечая в глубине души на-дежду, теплую и живучую, как трава, пробивающаяся сквозь снежную толщу ранней весны.

ГЛАВА 4: ЛЮТОБОР

День тянулся бесконечно.

Алиса пыталась работать — обходила поля, говорила с бабами о посадках, проверяла запасы. Но мысли возвращались к одному: к пустой подушке, к записке, к холодной простыне рядом. И к Михаю, который теперь обходил ее за версту. К вечеру она сдалась. Села на крыльце, обняла Леву и уставилась в горизонт.

— Любишь пострадать? — услышала она мягкий мужской голос.

Рядом, прислонившись к деревянной колонне, стоял Лютобор, высокий, силь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.